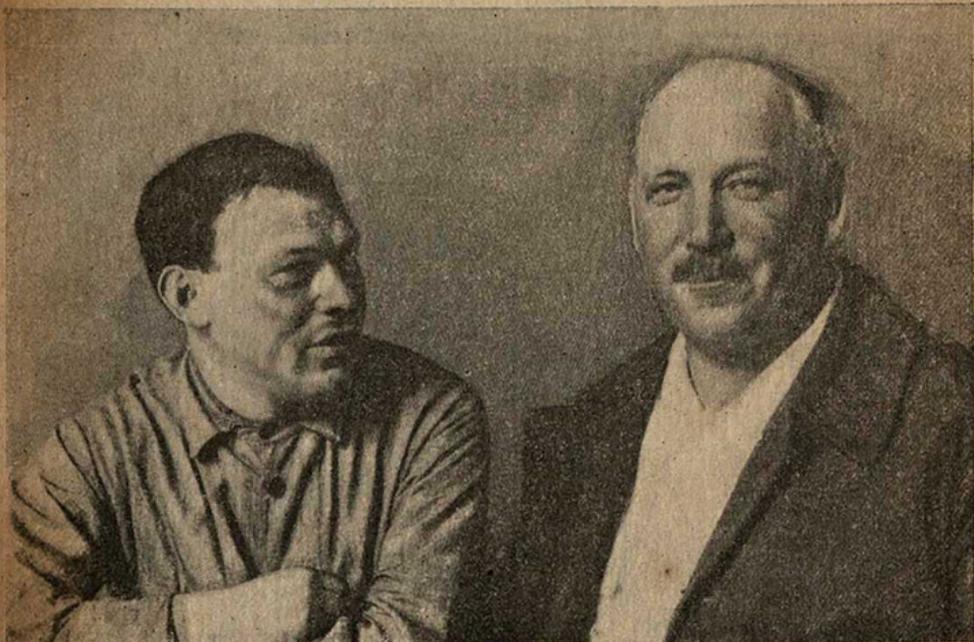

U 252
928

БОРИС ГУСМАН

П О Э Т Ы

ПЯТЬ ХАРАКТЕРИСТИК

Демьян Бедный (справа) и автор характеристик—Борис Гусман.

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 63

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСПОЛИГРАФА * МОСКВА

Вышедшие книжки Библиотеки „Огонек“.

<p>КАЙЕННА</p> <p>А ПОНШР</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 1</p>	<p>ВОЙНА БУДУЩЕГО</p> <p>А РИФЛИНИ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 2</p>	<p>ОБЕЗЬЯНИЙ ЯЗЫК</p> <p>МИХ ВОШЕНКО</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 3</p>	<p>А КУПЦАРСКИЙ А ТАЛВИН</p> <p>АНАТОЛЬ ФРАНС</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 4</p>
<p>РАССКАЗЫ И БАБЕЛЯ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 5</p>	<p>А ПИЛЛИН</p> <p>ВТОРАЯ МЕЩАНСКАЯ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 6</p>	<p>ДЖОН РИД</p> <p>ВОЙНА С КОЛОРАДО</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 7</p>	<p>ЕФИМ ЗОЗУЛЯ</p> <p>Рассказы</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 8</p>
<p>МИХ КАШКАРОВ</p> <p>РАССКАЗЫ ОБ ОКТЯБРЕ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 9</p>	<p>ДАРИССА РЕЙСЕР</p> <p>АЗИАТСКИЕ ПОВЕСТИ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 10</p>	<p>МИХАИЛ ПРИШВИН</p> <p>СМЕРТНЫЙ ПРОБЕГ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 11</p>	<p>ЭРИК СОБОЛЕР</p> <p>НОВЫЙ ЧЕХОВ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 12</p>
<p>А В ЗАНКО</p> <p>НАУКА О ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 13</p>	<p>АНДРЕЙ СОБОЛЬ</p> <p>КИТАЙСКИЕ ТЕНИ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 14</p>	<p>ВЕРА ИНБЕР</p> <p>РАССКАЗЫ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 15</p>	<p>А И СВЯРСКИЙ</p> <p>НА ВОЛОСКЕ</p> <p>РАССКАЗ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 16</p>

У 252
928

БОРИС ГУСМАН

фвб

П О Э Т Ы

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ,
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ,
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.
ВАСИЛИЙ КАЗИН,
В. МАЯКОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСКВА — 1925

ag
12816

Отпечатано
в типо-хромолитографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Мосполиграф.
Москва,
Арбат, Филипповск. пер., 11.
Тираж 50.000 экз.
Главлит № 39.582.

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
И. В. И. Д. А

54400-Иб

2010480860

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

В 1923 году, на шестой годовщине великой Октябрьской революции, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет от имени всей рабоче-крестьянской страны наградил Демьяна Бедного орденом Красного Знамени, обратившись к нему со следующими словами:

„Велика заслуга тех, кто вооружил бойцов Красной армии оружием революционного сознания, кто воодушевлял их на трудные и славные подвиги. Особо выдающиеся и исключительные заслуги Ваши, как поэта великой революции, оценены по достоинству рабоче-крестьянскими массами республики и особенно участниками гражданской войны. Произведения Ваши—простые и понятные каждому, а потому и необыкновенно сильные, зажигали революционным огнем сердца трудящихся и укрепляли бодрость духа в труднейшие минуты борьбы.

Страдания, борьба, подвиги и достижения восставшего пролетариата находили в Вас достойного певца. В Вашем лице поэзия, быть может, впервые в истории, так ярко связала свои судьбы с судьбами человечества, борющегося за свое освобождение, и из творчества для немногих избранных стала творчеством для масс“.

Действительно, может быть впервые в истории мы имеем случай, когда поэт, писатель вообще, получает боевую награду не за то, что он разил врага пулей или штыком не за то, что он с сотнями, десятками и сотнями тысяч плечом к плечу шел в жарком бою, а именно за то, что он писал стихи. Разгадка этого небывалого в истории литературы факта заключается в особенностях творчества Демьяна Бедного, этого первого поэта революции.

Демьян Бедный вышел на свой творческий путь в глухие годы реакции, годы отчаяния.

Бой кончен. Нет бойцов. Призыва гневный клич
Напрасен: из живых никто не ответится,
А мертвые из гроба не встают...
И я молчу. Молчу.

Запел бы—не поется!
Заплакал бы,—но слезы не текут.

Смерть косила свою страшную жатву.

И каждый день нам весть приносит,
И каждый день дает отчет!
Все Смерть нещадно жатву косит!
Все кровь течет... Все кровь течет!..

Но даже и тогда, в эти грозные мрачные годы, Демьян Бедный не терял своей могучей веры в силы народа. Он верил, что:

...грозно грянет клич ответный,
Клич боевой, со всех сторон!
И соберется полк несметный
Богатырей таких, как он!

Забрызжет юных сил избыток,
Ужасен будет их напор!

И, развернув кровавый свиток,

Синодик жертв и повесть пыток,

Бойцы поставят приговор!

Он не мог прямо и открыто говорить о своих призывах к революции. Он должен был давать их в скрытой и аллегорической форме. Демьян Бедный прибегает к старой испытанной форме басни, вливая в нее новое революционное содержание. Мировой призыв революционного пролетариата — „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ — он должен был переложить в иносказательную форму, объединения ершей против щуки, задумавшей „гулять в ряду ершином с щучьим ершином“.

У щуки сила есть (к чему самообман?);

Опомнившись, она затеет новый план.

Ерши, вам надо ждать великой передраги.

Об'единяйтесь, миляги!

Свои предчувствия революции он должен был передать в аллегорической форме разговора аристократического кларнета с пастушечьим рожком.

„Под музыку мою

Танцуют, батенька, порой князья и графы!

Вот ты свою игру с моей теперь сравни:

Ведь, под твою — быки с коровами одни

Хвостами машут!“

— „То так“, — сказал рожок: — „нам графы не сродни.

Одначе, помяни:

Когда-нибудь они

Под музыку и под мою запляшут!“

Но вот пришли сроки. Вера в народные силы оправдалась. Закипела борьба. Пришла победа. Пришла первая революция, когда народ „выкурил Тофуту из дворца“.

Но первый шаг был не достаточен. Народ—

..выкурил Тофуту из дворца.

И что же? Не прошло, поверите-ль, минуты,

Как власть, отбитую народом у Тофуты,

Присвоили себе все те же богачи,

Да так скрутили всех, хоть караул кричи.

„Социал-заики“ напевают рабочим свои песни. Попы дурманят мозги народа своими „молитвами“ и дымом от кадил. Но вот сметены не только Тофуты, но и богачи и всех их прислужники и Демьян Бедный становится певцом борьбы, стихи его наливаются сталью, революционной решимостью. Страна в „огненном кольце“; „работников фабрик и пашен“ окружила со всех сторон армия прогнанных ими „наильников“ и „гадов“. Демьян Бедный зовет в бой.

Еще не все сломили мы преграды,

Еще гадать нам рано о конце.

Со всех сторон теснят нас злые гады.

Товарищи, мы — в огненном кольце!

На нас идет вся хищная порода.

Насильники стоят в родном краю.

Судьбою нам дано лишь два исхода:

Иль победить, иль честно пасть в бою.

Он смело бьет и „по коню“ и „по оглоблям“. Он призывает выкорчевать все, что стоит на пути к победам.

Родной народ, тебе другого не дано:

Сваливши с плеч своих грабительскую шайку,

Завинчивай покрепче гайку!

Завинчивай покрепче гайку!

И если хочешь ты по новой полосе
Пройти с сохой трудовой,
Все корни выкорчуй! Все корни злые, все,
Со всею мусорной травой!..

„Мусорной травы“ вокруг много..

Объекта для злой сатиры сколько угодно. Вьются вокруг рабочей власти „социал-заики“, соглашатели, любители французских булок. Демьян Бедный издевается над ними, над их демократическим надувательством, над маской кликушества, над марксистскими недоносками. Вспоминает он и про своих „старых друзей“ и пишет „паки и паки про поповские враки“.

Но враг не только снаружи, но и внутри. Одолевают косность, медлительность, старое русское „авось“, новые „советские редиски“, рьяные комиссары, администраторы, мешечники, лодыри, благонамеренные и не благонамеренные обыватели, и про всех у Демьяна готов ядовитый стих, разящий вернее пули.

В новом аппарате советского государства возрождается старый чиновничий бюрократизм и волокита, и Демьян Бедный пишет про „глав-мех или центрo-смех“.

Главноцентры, центрoглавки
И хвосты у каждой лавки,
Главкоругань, центрoшум,
Без бумажечки Главбум,
Ходишь всюду — брови хмуришь,
Главкоспичкой не закуришь,
Главтабак без табаку,
Главтелега на боку.

Кто не знает его „дохлую кобылу“, которая „свалилась на Неглинном“ и из-за которой —

...вступили в спор — Главжир,
Центроутиль, Главкость, Главшерсть, Главмыло...
Сначала главков пять или шесть,
А после — трудно перечеть.
В Высовнархоз вошла с докладом Химоснова,
Решали что-то там, перерешали снова,
Потом вернули весь доклад
Назад
Для исправленья
И направленья
„По принадлежности“ — в Центральный Химотдел.

В результате этих жарких споров кобыла

Лежала две или три недели,
Пока ее собаки всю не с'ели!

... Но вот закончились бои и советская страна, чтобы
сохранить свои силы для строительства, с „прямого пути“
свернула на „дороги окольные“. Трудностей стало не меньше,
а может быть еще больше.

Вьются эти дороги по-русски, извивами.
То над речкой, обросшей плакучими ивами,
То сыпучим песком,
То по пням, по корням, еловым леском,
То по хлябкой трясине,
То вперед, то назад, то вперед, то назад...
Нету вех, ни столбов верстовых и в помине,
И приходится ехать порой наугад!

И Демьян Бедный снова на посту. Ядовито, но грозно
звучит его предостерегающий „Эп“.

Соболь... Фальшивые блёстки...
Слой из румян и белил...
Рескошь и бедность... Девичьи... Подростки...
Густо „панельный товар“ повалил.

Всем — по одежке дорожка:

Этим — в шикарнейший „Амбир“!

Этим туда, где не шелк, а рогожка,

В темный, вояющий, сивушный трактир.

„Эп! Сторонися, прохожий!“

Эп!..

Эп!..“

Крик бесшабашный, на что-то похожий:

„—Нэп! Сторонися прохожий!“

Нэп!..“

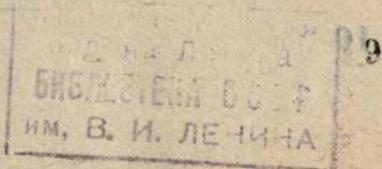
На какие бы пути и дороги не вставала революция, Демьян Бедный всегда с нею. Его слова все время переплетаются со свистом пуль, когда революция бьется с врагом, и со стуком молотков, когда революция на стропилах на стройке.

В грозные минуты опасности руки Демьяна „мобилизовали тысячи друзей и славно стучали по черепам врагов“.*)

Стихи Демьяна просты и понятны каждому читателю по эта простота его делалась понятной в результате большой и упорной работы над словом. Демьян Бедный — большой мастер слова. Он внимательно изучает все оттенки русского языка по старинным рукописям, древним летописям, учится этому простому народному слову. Его стихотворения почти приближаются к разговорной речи. Это, конечно, не дается просто, — это результат большой и напряженной работы, большого напряжения творческого труда.

Еще более доступным и понятным становится слово Демьяна Бедного, благодаря тому чувству юмора, которым проникают все его стихи. Демьян Бедный знает, что ничто

*) Приветствие редакции „Правды“ по случаю награждения Демьяна Бедного орденом Красного Знамени.

не разит так крепко, как смех, что смех — это самое злое и верное оружие. В его юморе, как и вообще во всем его творчестве, чувствуется „мужицкая складка“. Уйдя в город, слившись с рабочей массой, он не забывает про свое происхождение,

В печальных странствиях, в блужданиях по свету,
Я сохранил себя природным мужиком
С душой бесхитростной, и детски рад привету
Сермяжной братии, посланью из глуши
От мужичков единокровных.

И это соединение в нем крестьянской крови с рабочим закалом и дало ему возможность так полно и всесторонне отразить все особенности нашей революции, которая так же соединяет в себе „пролетарское лицо с крестьянским обличьем“. Вот почему Демьян одинаково близок и рабочему на фабрике, и крестьянину на пашне.

Все это, вместе взятое, и сделало из Демьяна первого поэта, которого читают не десятки в маленьких комнатах с коврами, и не сотни, а тысячи, десятки, и даже, сотни тысяч. Демьяна читают в окопах, казармах, на фабриках, на заводах. Демьян,—может быть—единственный поэт, который проник в деревенские избы, который дошел до своего нового читателя. И этот новый читатель на своем своеобразном языке говорит Демьяну:

„Товарищ Демьян, пропиши нам насчет политики подробно, как ты пишешь, так мы очень хорошо понимаем, потому что выговор у тебя очень приятный...“

Какой из поэтов на протяжении всей истории литературы заслуживал такой похвалы? Такая похвала от массового, миллионного читателя — лучший „орден“ поэту.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

Спросите у любого комсомольца, рабкора, партийца, перелового рабочего, кто такой А. Безыменский, и вам все в один голос скажут: А. Безыменский — поэт комсомолии, поэт нашей подрастающей смены. Он сам про себя говорит:

Ах, Комсомолия! Мы почки
Твоих стволов, твоих ветвей!

Но это не все, или во всяком случае не главное, не самое значительное.

Мы стоим на грани новой эпохи, на переломе. Мы произвели величайшую в истории человечества социальную революцию. Мы начинаем изменять в корне те производственные отношения, которые существовали между людьми раньше. Но мы еще почти не начали и не могли начать изменять те бытовые культурные отношения, которые сложились между людьми в старое, дореволюционное время. И самое интересное в Безыменском это именно то, что он, как никто из молодых поэтов нашего времени, смело отражает в своих стихах именно этот перелом, этот порыв из старого быта к новому, от старой культуры к новой.

В ладони веков закачались весы.
Душа! В этот миг—не состарься!
Задумался Львенок. Не тронется сын.
Стоит
Меж Талмудом
И Марксом.

Есть время пророчески грозных минут,
Мой сын не пророк ли сегодня?
Окрепшей ногой попирая Талмуд.
Он Маркса—
На голову поднял.

Именно так, на грани двух веков, и стоит наше поколение, „окрепшей ногой попирая Талмуд“ и поднимая „на голову Маркса.“

По всем стихам Безыменского вы чувствуете, как он рвется из старого быта, сковывавшего его своими цепями мещанской косности. Он еще помнит мещанский „городок“, в котором он родился.

О, чем же не похож наш городок на Рим?
— В нем даже есть кинематограф.

Городок, который—

...молится над чашкой жирных щей,
Крестьясь куском поджаренного мяса.

В котором люди—

Влюбляются, живут—покамест пластырь липкий
Не спит двух из них под трешницей попа.

В этом городке живут своими горестями и радостями маленькие людишки прошлого, которых скovyрнула с их привычного насиженного быта мощная революция. Они си-

дят у своего разбитого корыта, плачут о прошлом и надеются на будущее, когда отгремят громы революции.

Как сладостен обед былых исконных лет!
А рюмочку винца—и он совсем растроган.
Но сердцу и уму испорчен весь обед...
Все время на него валящимся налогом.

Надежда лишь одна: большевики уйдут...
На это каждый день он оставляет день им.
Ну, завтра... ну, еще... Мечты его цветут
Его победой,
Их паденьем,

В этом городке Безыменский воплотил не какой-нибудь определенный уездный Расплюйск или Грязекокшайск. Этот городок—это вся старая Россия, погрязшая в прелом и старом быту. Из этого городка и его, Безыменского, зовут назад, в этот старый, прокисший быт.

Приезжай к нам, сыночек милый,
Убил ты ведь лучших семь лет.
Приедешь—варить будешь мыло...
Брось... билет!

Она, эта бедная, старая мама не знает, что у него есть уже другая, „огромная мама“.

Из нас бы каждый сердце вынул
Иль с радостью хоть где корпел,
Чтоб только быть достойным сыном
Огромной мамы—РКП.

Его стихи говорят уже о другой, о новой жизни, о других, о новых людях, о тех, кто растет уже из этого старого быта в новый, о молодой весенней поросли, закаленной в борьбе и в крепком большевистском закале.

Не прославим,—покажем того
Кто заводской чеканкой высечен.
Я хочу показать одного,
Чтобы в нем говорили тысячи.

Этот гимн комсомольской весне
И стальной большевницкой породе
Назову я не Песнью Песней,
А просто
Петр Смородин.

Живая струя потока.
Рабочий.
Комсомолец.
Коммунист.
Вот он:
По паспорту—токарь,
А по анкете—цекист.

У него уже другая мать и другая родина.

Гряньте, вспышки ликующих молний!
Вот она, вот она,
Рабочая
Молодежь,
Родина моя—
Комсомол мой!

И это прорастание его в новую жизнь наполняет его
крешкой и сочной радостью, ощущением жизни, ее вкуса
и запаха.

Эй вы, которые!
Знаете ли вы?
Как пахнет жизнь?

Ах, как пахнет жизнь,
Как пахнет жизнь вкусно!

Но его радость жизни от другого, чем у старых поэтов.

Но почему, почему
Этому—зелень,
Этому радость—любовное зелье,
Мне же—
Лишний вагон муки—веселье?
Этот боится за девичьи губы,
А я—за дымящиеся трубы?..

Он не парит, как старые поэты, в надзвездных высотах, он смотрит внимательным взором вокруг себя и видит каждую мелочь жизни, и в ней, в этой мелочи, чувствует, как растет и строится новая жизнь. Если он говорит про „котиковую шалку“—

Кто о женщине, кто о тряпке,
Кто о песнях прошедших дней...
Кто о чем.
А я—о шапке,
Котиковой,
Моей.

....то думает о другом. Сквозь нее, эту „шалку“, он чувствует совсем иной размах, иную жизнь.

Пусть катается кто-то на Форде,
Проживает в десятках квартир...
Будет день:
Мы пред'явим
Ордер
Не на шапку—
На мир.

И если он говорит про себестоимость товаров—

Вот почему сейчас,
Хоть солнце пышет горном

И пляшет трепака по строчкам Сашка Жаров,
Я, солнечный, иду и думаю упорно
Про себестоимость
Советских
Товаров.

...то думает, о другом. Сквозь эту „себестоимость советских товаров“ видит совсем другое—

Не знаю:
Иная весна
Есть.
И этой весне без меня
Не расцвествь.
И надобно ей не огня,
А тока.

...потому что знает он, что—

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,—
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

И когда умер Ленин, когда весь мир содрогнулся от боли, Безыменский не стал, подобно другим поэтам, писать космические поэмы про величие Ленина или траурные гимны, оплакивающие смерть вождя. Нет, он написал про маленький партбилет, утерянный партией.

Весь мир грабастают рабочие ручищи,
Всю землю шупают—в руках чего-то нет...
— Скажи мне, Партия, скажи, чего ты ищешь?
И голос скорбный мне ответил:
— Партбилет...

Один лишь маленький... а сердце задрожало,
И в сердце вздрогнула последняя тропа.

Вчера я только лишь в руках его держала,
Но смерть ударила—и партбилет упал.

Эй, пролетарии! Во все стучите двери!
Неужли нет его, и смерть уж так права?..
Один лишь маленький, один билет потерял.
А в теле Партии зияющий провал..

Он говорит об этих мелочах потому, что знает, что в них отражается великое гораздо лучше, чем в иных больших поэмах. Он знает, что в этих мелочах есть то биение жизни, которое делает стихи теплыми и близкими человеку

По-иному и дни льются,
Если держишь в руках ключи,
Если каждая буква
Резолюции
В чьей-нибудь жизни
Звучит.
По-иному
Чуешь мгновенья
Даже в будничной нудной борьбе,
Если жизни любой
Бьенье
Эхом звучит
В тебе.

Безыменский по-иному чувствует жизнь и у него иные, чем у других поэтов, герои.

И ты, Никитин, токарь искусный,
Ты—„большевический глаз“ по заводу,
Дома же—старенькой рвани в угоду—
Шеремывающий Власть Советов.

Ты, Яша Шведов,
Юный паяльщик с завода Гужон,
Таскающий гужом

Стихотворные строчки.
(Это от почки,
Это листочки,
А вырастить надо цветы).

Малышев! И ты,
Ты коммунистиче с третьего года,
Ради завода
В фартуке, с книгой счетов
У прилавка стоящий...

Иные герои и иное, чем у других поэтов, солнце.

Но нету сил пошевелиться.
Мне на кровать бы, не к окну!
Танцуют мысли, птицы, лица,
И тянет голову ко сну.

Звонок. Бумажка прилетела.
В печати солнце „РКП.“
И вновь зашевелилось тело,
И снова чайник
Закипел.

Безымянский растет к этому повому солнцу, к новой, молодой жизни, растет, вырываясь из старого быта, из старой жизни, и главное его значение в том, что он отразил в своих стихах могучий, обновляющий процесс ее роста.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

Сергей Есенин прошел мимо „вищей России“ (А. Блок), полюбив ее „синь“, которая „сосет глаза“, ее поля, ее „низенькие околицы“, у которых „звонко чахнут тополя“, ее церкви, где „пахнет яблоками и медом кроткий Спас“, ее луга, где „гудит за корогодом веселый пляс“, ее зелены, ее „гречневые просторы“ и „овсяную волю“.

Есенин родился и вырос в деревне. Он видел, не мог не видеть, как маялась деревня в нищете, в грязи и в голоде. Но он отвернулся от „людского горя“.

Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья,
Я молюсь на а ы зори,
Причащаюсь у ручья.

Он ушел к тем радостям „земного бытия“, которые он нашел в крестьянской жизни, в копнах сена, на покосе, в алых зорях над желтыми полями и во всей красоте земли, раскинувшейся перед ним в цветении своего обилия и щедрости.

Иду. В траве звенит мой посох,
В лицо махает шаль зари,
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя за кольца личных прясел,
Одной лишь думой мыслю я:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Трудом земного бытия.

С улыбкой радостного счастья
Иду в другие берега,
Вкусив бесплотного причастья,
Молясь на копны и стога.

Пройдя мимо голодной нищеты русской деревни, он принял только ее радости, ее светлые стороны.

Родился я с песнями, в травном одеяле,
Зори меня вешние в радугу свивали.

И в последнее время, обогащенный высоким мастерством, сложного, но прозрачного контрапункта образов, метафор и сравнений, Сергей Есенин остается все тем же деревенским гусельником и песенником:

Буду петь, буду петь, буду петь.

Не обижу ни козы, ни зайца.

Если можно о чем скорбеть,

Значит, можно чему улыбаться.

Все мы яблоко радости носим,

И разбойный нам близок свист.

Срезает мудрый садовник — осень

Головы моей желтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,

Сгложит рощи октябрьский ветр.

Все познать, ничего не взять

Пришел в этот мир поэт.

Он пришел целовать коров,

Слушать сердцем овсяный хруст,

Глубже, глубже серпы стихов,

Сыпь черемухой, солнца — куст.

Когда вихрем пронеслась над есенинской деревней революция, он не оттолкнул ее. Конечно, пройдя мимо тех мук, которые переживала деревня, он не мог и понять благодетельной силы революции, ее благотворного влияния на деревню, но его пленила в революции ее бодрящая сила, ее веселая новь.

Революцию Сергей Есенин встретил „певучим звоном“. В ней, рожденной (по Сергею Есенину) в „мужичьих яслях“, почувствовал новое „утро“, новый „свет за горами“, „красного коня“, который должен вывезти мир „на колею иную“,

Сойди, явись к нам, красный конь.

Впрягись в земли оглобли.

Нам горьким стало молоко

Под этой ветхой кровлей.

Пролей, пролей нам над водой

Твое глухое ржанье

И колокольчиком-звездой

Холодное сияние.

Мы радугу тебе дугой,

Полярный круг на сбрую,

О, вывези наш шар земной

На колею иную!

Но, конечно, он не мог не почувствовать, что эта „колейная“ лежит в стороне от того мира, в котором он жил, что над тем миром уже березы „кадят листвою прощальную обедню“, что идет уже „железный гость“, который сметет „последние листья“, „соберет их в свою черную горсть“.

Не живые, чужие ладони,

Этим песням при вас не жить,

говорит он с грустью, ибо умирает под копытами „красного коня“ любимая им его деревня, и он, Сергей Есенин, воз-

водивший свой поэтический род через „одетого светом“, „вышедшего из монастырских врат“, „избороздившего весь край“ Николая Клюева, к идущему „меж телок и коров“ „в златой ряднине“ Алексею Кольцову, он — последний, не имеющий потомства, отпрыск этого рода.

Я последний поэт деревни.

Ведь он знает, что „живых коней победила стальная конница“, и что прошло, безвозвратно прошло то время,

...когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег.
По иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежетом плес,
И за тысячи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

Он видит, что:

Никуда вам не скрыться от гибели,
Никуда не уйти от врага.
Вот он, вот он с железным брюхом
Тянет к глоткам равнин пятерню.

И понятно, что в поэзии Сергея Есенина появляются новые нотки, такие не похожие на того, старого Сергея Есенина, которого „зори вешние в радугу свивали“.

В одном из стихотворений этого нового периода он говорит:

Не жалею, не зову, не плачу.
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охвачен,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться
Сердце, тронутое холодком,
И в страну березового ситца
Не заманишь шпаться босиком.

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст,—
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

Но на месте старой деревни уже встает новая, обновленная, прислушивающаяся к новым, мудрым словам. Вернувшись в деревню, он застаёт ее иною.

И вот сестра разводит,
Раскрыв, как библию, пузатый „Капитал“
О Марксе,
Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.
И мне смешно,
Как шустрая девченка
Меня во всем за шиворот берет...

Есенин смущен, Есенин сбит с толку. Он думал, что его деревня погибает под железной пятой революции, и вдруг увидел нечто новое, непонятное, трудно осознаваемое.

Но голос мысли сердцу говорит:
„Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин“.

Сначала это действует на него убивающе. Он начинает думать:

Моя поэзия здесь больше не нужна
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Но потом и его захватывает молодой и веселый вихрь.

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать оттого так хочется и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.

Правда, он чувствует в этом „веселом кипении“ какую-то „грусть“. И это понятно.

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою.
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

Трудно сразу переварить ту новь, которая открылась его глазам. Для этого пужна упорная и серьезная работа над собой. Есенин это понимает и говорит сам себе:

— Настал наш срок,
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных строк.—

Эта „премудрость скучных строк“, да пытливые наблюдения над жизнью помогут ему понять, как революция переплавляет старое в новое и лучшее. А поймет, так перестанет „скользить“ и „падать“ и догонит „стальную рать“.

ВАСИЛИЙ КАЗИН.

Большинство наших поэтов,—это поэты революции, поэты борьбы и восстания. Их стихи пропитаны ритмом битв, их отгулами и отзвуками. Но есть поэты мещанской трусости, поэты, которые в дни этой борьбы прячут, подобно страусам, свои головы под крыло. Стихи этих поэтов говорят о потревоженном бурями домашнем уюте. Эти поэты отгородились от жизни, создали себе свой маленький мирок и живут в нем его крохотными горестями и радостями, наглухо закрыв окна и двери, соединяющие их с большим миром, в котором закипела встревожившая их борьба.

Василий Казин непохож ни на тех, ни на других. Он не поэт борьбы. Широкие полотна революционного эпоса ему не даются. Он как бы вышел в мир на завтра после победы, „на следующий день после революции“. Отзвучали громы борьбы, отшумели звуки боев. Казин увидел мир уже очищенным и омытым.

Василий Казин—поэт победившего молодого класса. Вот почему он весь в цветении и силении:

Пчелиный рой неисчислим,
Медовый сок неистощим...

Казинский мир изнемогает от этой неисчислимости и неистощимости. Сам Казин цветет в этом тучном изобилии:

Цветут глаза, и слух, и дух цветет, впивая
От каждой твари сочный, пестрый звон.

Человек будущего овладеет природой, станет ее властелином. Могучим рычагом техники он будет направлять ее в необходимое русло. Человек прошлого чувствовал какой-то жуткий страх перед природой, как перед какой-то таинственной, непонятной и непобедимой силой. Человек настоящего еще не победил природу, еще не одолел, не подчинил своей силе и воле, но он предвидит свою победу, он уже на пути к ней. Во всяком случае, он давно потерял этот первобытный страх перед ней и шаг за шагом, уверенно и смело разоблачает ее мнимые тайны.

Казин — поэт именно такого мироощущения. Вместе со своим классом-победителем он весь пропитан этим чувством победы, овладения. Отсюда эта, не знающая пределов, радость жизни, которая наполняет его:

Ах, дядюшка, скажи, родной,—
Не то ли солнце стало мной,
Не то ли сам я — солнцем пьяным?!
Как много жизни бьет в груди!
Ах, дядюшка, хоть отцеди
На будущее поколение!

Недаром любые темы Казина — весна, май, природа в цвете, природа в полноте, в изобилии. Он растворен в этом изобилии до полного слияния с ним. Казин не отделен от природы, которой он касается своим „цветущим“ „глазом“, „слухом“ и „духом“. Он сам теряет ощущение

границы между собой и природой. Свои песни он поет вместе с ветром, с солнцем, не отделяясь от них. Вот, например, его „песенка“:

Ветер начал. Я ему попутно
Подтянул случайным голоском,
Солнышко втянулось, и уютно
Мы запели песенку втроем.

Ветер заливался голосом быстрым,
Я его старался слить со мной,
Солнышко рассыпало звончатые искры,
Увлекало песенку весной.

Шли и пели, пели по дороге,
Пели трое о сердечном, о своем,
И у каждого таяли, таяли тревоги,—
Потому что песенку пели втроем.

В „Вешнем вдохновении“ он также сливается со всем что вокруг него:

Бегут и брызжут мостовые,
И, вспрыскиваемые по головам,
Несутся ветерки сырые,
Раскидывая голубые
Крылатые рукава.
И я, и я несусь за ними
И удержаться не могу,
Бегу, бегу за мостовыми,
За ветерками голубыми,
За брызгами бегу, бегу.

К природе у Казина какое-то ласковое, „семейное“ отношение. Солнце у него, „желтый лежебока“; точно о коте домашнем, развалившемся на завалинке, говорит Казин, а не о солнце—

Давно такого не было лентяя!
Такого солнца! Желтый лежебок...
Подумайте: до самого до мая
Замешкать, задержать снежок!

И лишь один протеплен переулочек,
Где так душисто дымится грунтозем,
Как будто бы, не потушив, с огнем
Тут солнце бросило окурочек.

Отсюда у него какое-то интимное общение с природой
какая-то общность интересов, какая-то своеобразная и
теплая близость.

У кого из поэтов прошлого или настоящего вы найдете
такую близость, такое общение:

Сегодня день плохой ли, хороший—
С этакого этажа попробуй-ка разглядеть,
И вот беспокойся: галоши
Надеть или не надеть?,
Чу!—и комната вспыхнула от звона,
Вскипела комната в звончатом огне!
Ах, это не просто знакомый насчет поклона—
Это солнышко! Это солнышко позвонило мне!
Это солнышко, солнышко с небосклона
Позвонило по телефону
О чудесном дне.

Это „короткое“ знакомство с солнцем, которое звонит
поэту по телефону, сообщая ему о погоде, так характерно
для Казина. Здесь не фанфаронское панибратство: „вот,
мол, мы с самим солнцем на ты“. Это не поэтическая
хлестаковщина. Нет, здесь действительно тесная и нежная
дружба. Ведь, они даже помогают друг другу—Казин и
природа. В трудную минуту они друг возле друга:

Силится солнце мая
На небо крепче приналечь,
В высь вздымая
Огонь разгоряченных плеч.
Уперлось спяньем,
Синью отекло,
Полыханием
Запыхалось, запыхалось тяжело.
Ах, без вас! И без вас устанет!
Кавьте, облака, прочь!
Так тянет, тянет
Солнцу помочь!
Кровь бьет волнами в темя,
Знойными звонами звенит.
Вздвинуть бы бремя
В зениг!
Словно тоже нагруженный,—
Солнце! Я в огне!
Не твой ли отпрыск разгоряченный—
Кровь, взволнованная во мне?!
Блещут плечи под бременем синим.
Солнце! Солнце! Крепись!..
Вздвинем! Вздвинем!
Я подымаюсь, подымаюсь в синюю высь..

За эту братскую, товарищескую помощь природа неразлучна с Казиным и в минуты весенней прогулки:

Маленький, маленький по трогуарам
Я шагаю, рассыпаю теплый звон.
Толкает меня лучистым жаром
Голубой плечистый небосклон.

Шагает со мной небосклон плечистый,
Толкает в маленькое мое плечо.
Толкает в плечо, но и сердце лучится,
Лучится и сердце горячо.

А мимо мчится вагон за вагоном...
—Милый, лучистый,—не отставай!
Ах, как не хочется разлучиться с небосклоном,
Одному, маленькому, вскочить на трамвай!

Но не только за эту цветистость, за это радостное сияние любит Казин природу. Он любит ее еще за то, что она вся в работе. В ней нет праздного безделья, в ней нет праздной, разлагающей мечтательности, которые воспевались в природе поэтами всех веков и народов. Вот небо, например. Это не просто небо, по которому бегают грозовые тучи, высекающие из себя огонь молний и грохот грома. Нет, это небесный завод:

И высок и широк
Синекаменный завод.
Чу! Порывистый гудок
Пыльным голосом зовет.
И спешат со всех концов
В толстых блузах закопченных
Толпы мощных кузнецов,
Ветровым гудком сплоченных.
Все темней, темнее высь.
Толпы темные сошлись
И проворно
Молний горна
Душным жаром
Разожгли
И раскатистым ударом
Ширь завода потрясли.

Здесь у него небо—завод, кузница. Это еще куда ни шло—это „поэтическое“ сравнение. Но вот, не хотите ли? В другом месте природа у него изображена, ни больше, ни меньше, видите ли, как в виде сапожной мастерской:

И ослепительное шило
Вонзила
Молния впотьмах.

Со свежей драгвой дождевой
Пронзительно носилось шило.
Быстрый, брызжущий, живой,
Звончатый огонь прошло.

А там—строительная артель (утро „взносит красный кирпич“), а здесь—какая-то слесарная мастерская:

А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка!
Ой, сколько, сколько майских луж—
Обрезков голубого цинка!

Но везде неизменно в работе, неизменно в труде, в таком же радостном, веселом труде, каким погон сам Казин. Труд веками висел проклятием над человеком. Он не мог быть радостью, потому что был источником эксплуатации одного человека над другим.

Но Казин — поэт победы, поэт „после революции“. Он не чувствует этого проклятия, не может чувствовать его, он забыл про него, потому что родился в мир, когда его отцы и старшие братья уже завоевали для него право на радостный и свободный труд.

Вот Казин за верстаком. И словно не с стружками, вылетающими из-под рубанка, он говорит, а со своей возлюбленной, веселые и душистые кудри которой он ласкает:

Живей рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чешн тесину сталью жаркой,

Стальным и жарким гребешком.
Ой, вейтесь, осыпайтесь на пол
Вы, кудри русые, с доски!
Ах, вас не мед ли где закачал:
Как вы душисты, как сладки!
О, помнишь ли, рубанок, с нами
Она прощалася спеша,
Потряхивая кудрями
И пышно стружками шурша.
Я в то мгновенье острой мукой
Глубоко сердце занозил
И после тихою разлукой
Тебя глубоко запылдил.
И вот сегодня шум свиданья—
И ты, кудрявясь второпях,
Взвиваешь теплые воспоминанья
О тех возлюбленных кудрях.
Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеси тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

...Казин часто вспоминает о Пушкине. И это не случайно. Мы тоже, когда читаем Казина, сквозь его легкие и радостные строчки видим образ Пушкина, вспоминаем его „веселое имя“. Если говорить о пушкинских традициях поэзии, то среди молодых поэтов Советской России Василий Казин ближе всех к Пушкину, к его веселым и солнечным заветам. То был поэт другого класса и другой социальной обстановки, но то, что Пушкин давал нам, преодолевая в себе черты своего класса и своего времени, то Казин воплотил в своих стихах, целиком и полностью сливаясь со своим классом, вырастая из этой мощи и радости класса - победителя, защитателя, вышедшего в мир для широкого и вольного строительства.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ.

Мы знаем Маяковского, поэта революции, правда, встающей в его стихах в несколько отвлеченной, схематической, празднично-нарядной форме. Маяковский как бы не хочет знать ее будней, ее повседневной, кропотливой работы, он любил ее праздники, ее праздные дни. Мы знаем Маяковского — певца будущего коммунистического общества, правда, изображаемого им в слишком механическом, обездушенном виде. Но мы не поймем этого „сегодняшнего“ Маяковского, если не оглянемся на его „вчера“.

Поэзия Владимира Маяковского, наполненная нескими туманами и бульварной слякотью Москвы, задушившей поэта кольцом своих „бесконечных Садовых“, родилась на улицах города в огнях кинемо, в „чулке ажурном у кофеен“, родилась она, сдавленная серыми гробами многоэтажных громад, среди „провалившихся носами“, среди сестер своих, грубо покрашенных проституток, чью последнюю улыбку проглотил сырой осенний туман, среди замученных и издерганных „изъеденных бессонницей“, забывших веселую радость смеха и чарования весны; родилась среди тех, кто головы поднимает к небу только для иступленных проклятий, среди тех,

кто сквозь серые завесы тумана прямых проспектов и кривых закоулков города несет стоны свои и муки.

Как было не возненавидеть эту прогнившую и зараженную жизнь, пропитанную издевательством над человеком и его мучительством.

Конечно, в равновесии пребывать куда как хорошо, а главное, спокойно, и Владимир Маяковский тоже думал послужить своими песнями „красивому богу“, он тоже, и может быть, красивее других, спел бы про „весну“ и „любовь“, про „травки“ и „цветочки“. И в душе его, разрывавшейся ключьями о „копья домов“, не раз вставала скорбная мысль о возможности для поэта иной доли, иного пути, более светлого и радостного и иных песен, не таких жестоких и угловатых.

Думал, —
Радостный буду,
Блестящий глазами
Сяду на трон.
Изнеженный телом грек.

Но из всех закоулков серого города, этого музея великих и крохотных горь, пришли грязные женщины с распухшими глазами и принесли поэту страшные дары, — свои „слезинки, слезы и слезищи“.

И хоть испугался поэт этих даров, хоть встретил их криком проклятья, но не отрекся от них. Он взял на себя эту „ношу“, хоть и тяжка она:

Нести не могу —
И несу мою ношу.
Хочу ее бросить —
И знаю,
Не брошу.

Поэт не мог бросить и не бросил этой боли и муки,— он еще теснее прижался к измученной земле, еще ближе припик к ее старой „лысеющей голове“ и принял в себя ее корчи и судороги, превратившись в „чудо анатомии“—одно „сплошное сердце“.

Я — где боль, везде;
На каждой капле слезовой течи
Распял себя на кресте.

Владимир Маяковский проклял ту лже-гармонию и лже-красоту, которыми хотели заменить в той мрачной и кровавой жизни подлинную гармонию и подлинную красоту, и почувствовал приближение „года“, когда расцветет на земле их сияющее царство.

Вижу идущего через горы времени,
Которого не видит никто,
Где глаз людей обрывается куций
Главой голодных орд,
В терновом венце революций
Грядет шестнадцатый год.

Это было сказано Владимиром Маяковским в первый год войны, против которой он „единственный, человеческий, среди воя, среди визга „поднял голос“:

Спешите!
Каждый
Ненужный даже, —
Должен жить.
Нельзя,
Нельзя же его
В могилы траншей и блиндажей
Вкопать заживо.
Убийцы!

И когда он пришел, этот год, который оказался не шестнадцатым, а семнадцатым, пришел, чтобы смести все старое, чтобы высушить „слезинки, слезы и слезини“, отомстить за кровь, невинно пролитую, за боли и муки, вернуть солнце тем, у кого оно было отнято, поэт встретил революцию своим „поэтовым“ — „О, четырежды славься, благословенная“ — и стащил с неба того бога, который привык к сладенькому сиропцу славословий и молитв, которому он предложил когда-то „ватащить со всех бульваров красивейших девочек“ и устроить „веселенькую карусель на древе познания добра и зла“, стащил его на землю.

Нам написали евангелие,
Коран,
Потерянный и возвращенный рай
и еще
и еще
многое множество книжек —
каждая радость загробную сулит умна и хитра.
Здесь,
на земле хотим
не выше жить
и не ниже
всех этих елей, домов, дорог, лошадей и трав.

Он сказал себе: наш бог не —

Боже железный,
Огненный боже,
Боже не Марсов,
Нептунов и Вег.
Боже из мяса —
Бог — человек.

В чайнии этого нового, настоящего человека, который будет „Бога самого милосердней и лучше“, в вещем пред-

чувствии его создает Владимир Маяковский свою вещь „Человек“, где этот грядущий человек, „необъяснимое чудо“, „силошная невидаль“ еще томится в „дневном-иге“, но душу этого человека он поднимает уже грозным знаменем новой красоты, потому что в ней слились души всех раздавленных „городом-лепрозорием“, и еще потому, что в ней колыхнется и бьется такая сгущенная красота, перед которой меркнут солнца и луны и становятся действительно годными только в качестве блестящих брошек...

Мы,
Каторжане города - лепрозория,
где золото и грязь изъявили проказу, —
мы чище венецианского лазорья,
морями и солнцами омытого сразу.
Плевать, что нет
у Гомеров и Овидиев
людей, как мы,
от копоты в оспе —
я знаю —
солнце померкло бы увидев
наших душ золотые россыпи.

Отталкиваясь от прошлого, пришел Маяковский к настоящему. Он слишком индивидуалист, он слишком много значения придает отдельной человеческой личности, вырастающей у него иногда до гигантских размеров; он слишком часто противопоставляет эту личность „табупу человечьему“, но и через эту свою индивидуалистическую призму он видит мир, который в борьбе свергает наследие прошлого и стремится к новой жизни, и он приветствует эту борьбу и идет навстречу „иному бытию“.

Исчезла старая жизнь, и во всем мире, в муках и бо-

лях, в стонах и корчах рождается новая, светлая и радостная.

Голодая и ноя
города расступаются,
и над пылью проспектовой
солнцем встает бытие иное.

В могучей жажде этого „иного бытия“, в густых сумерках „бытия“ старого родились эти „не слова судороги, слипшиеся комом“, и в них чувствуется трепетная душа человека, воистину могущего в любви своей всех выкупать.

Любовь — одна из излюбленнейших тем Маяковского. В любовь, „в мягкое, в женское“, спасался поэт и тогда, когда душили его кошмары „старого бытия“, к ней же он прибегает и сейчас, когда на пути к „бытию иному“, новому, он сталкивается с пережитками старого (а как их еще много в нашем запутанном и противоречивом „сегодня„!)

В этой теме
и личной
и мелкой,
перепегой не раз
и не пять,
я кружил поэтической белкой
и хочу кружиться опять.

Человек, которого воспевает Маяковский, это человек будущего. И его же самое, это будущее, он представляет себе довольно смутно. У него нет цельного, научно-разработанного мировоззрения. Но он слишком ненавидит прошлое, он слишком сильно почувствовал страдания „мельчайшей пылинки живого“, которая билась и мучилась на этой

старой „лысеющей земле“, чтобы не возжаждать этого будущего и не воспеть его в своих строчках, похожих больше на крики, чем на то, что обычно называется стихами.

ВЫШЕДШИЕ КНИЖКИ БИБЛИОТЕКИ „ОГОНЕК“

<p>В. ШКЛОВСКИЙ КОНЕЦ ПОХОДА</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 34 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>	<p>МИХАИЛ КОТЦОВ ЗАПАДНЫЕ ПРОГУЛКИ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 35 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>	<p>РАССКАЗЫ С. ГЕХТА</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 36 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>	<p>Л. О. КАРМЕН РАССКАЗЫ О ПЯТОМ ГОДЕ</p> <p>Продолжение Д. СВЕРЧКОВА Библиотека „Огонек“ № 35 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>
<p>БОР. ПИЛЬНЯК SPERANZA</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 37 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>	<p>ИЛЬЯ РЕНЦ ИЗВОЗЧИК В ПЕНСНЭ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 38 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>	<p>М. ГОРЬКИЙ КАК СЛОЖИЛИ ПЕСНЮ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 39 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>	<p>СЕРГЕЙ ЕСЕНИН ИЗБРАННЫЕ СТИХИ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 40 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>
<p>ЖАН ТУССЕЛЬ КАМЕНОТЕС РАССКАЗ ПОВЕД. В. ИЛЬМИОН</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 41 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>	<p>КЛОД МАК-КЭЙ СУДОМ ЛИНЧА</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 42 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>	<p>ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ ТРУБКА-КОММУНАРА</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 43 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>	<p>ОЛЬГА ФОРШ ОБЫВАТЕЛИ РАССКАЗЫ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 44 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>
<p>А. ЗОРИЧ О ЦВЕТНОЙ КАПУСТЕ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 45 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>	<p>НИКОЛАЙ АШУКИН КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ</p> <p>Библиотека „Огонек“ № 46 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>	<p>Л. МИТНИЦКИЙ БРАТВА</p> <p>Красноярский Экземпляр Библиотека „Огонек“ № 47 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>	<p>ЖОЗЕФ КЕССЕЛЬ МЭРИ ИЗ КОРКА</p> <p>Перевод Г. Кадмеев Библиотека „Огонек“ № 48 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКОВСКАЯ И ВОСКРЕСЕНСКАЯ УЛИЦЫ</p>

ЦЕНА КАЖДОЙ КНИЖКИ 15 коп.

Вышедшие книжки Библиотеки „Огонек“.

В. ШКЛОВСКИЙ
КОНЕЦ ПОХОДА

Библиотека „Огонек“
№ 34
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

ЗАПАДНЫЕ
ПРОГУЛКИ

Библиотека „Огонек“
№ 33
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

РАССКАЗЫ
С. ГЕХТА

Библиотека „Огонек“
№ 36
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

Л. О. КАРМЕН
РАССКАЗЫ
О ПЯТОМ ГОДЕ

Иллюстрация
Л. СВЕРЧКОВА

Библиотека „Огонек“
№ 35
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

БОР. ПИЛЬНЯК
SPERANZA

Библиотека „Огонек“
№ 37
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

ИЛЬЯ РЕНЦ

Библиотека „Огонек“
№ 38
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

М. ГОРЬКИЙ
КАК СЛОЖИЛИ ПЕСНЮ

Библиотека „Огонек“
№ 39
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

СЕРГЕЙ
ЕСЕНИН
ИЗБРАННЫЕ
СТИХИ

Библиотека „Огонек“
№ 38
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

ЖАН ТУССЕЛЬ
КАМЕНОТЕС
РАССКАЗ

перевод
В. ИЛЬМИНОВ

Библиотека „Огонек“
№ 41
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

КЛОД МАК-КЭЙ
СУДОМ ЛИНЧА

Библиотека „Огонек“
№ 42
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ
ТРУБКА
КОММУНАРА

Библиотека „Огонек“
№ 43
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

ОЛЬГА ФОРШ
ОБЫВАТЕЛИ
РАССКАЗЫ

Библиотека „Огонек“
№ 44
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

А. ЗОРИЧ
О ЦВЕТНОЙ КАПУСТЕ

Библиотека „Огонек“
№ 45
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

НИКОЛАЙ АШУКИН
КРАСНАЯ
ПЛОЩАДЬ

Библиотека „Огонек“
№ 46
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

Л. МИТНИЦКИЙ
БРАТВА

Иллюстрация
Ф. КРАСН

Библиотека „Огонек“
№ 47
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

ЖОЗЕФ КЕССЕЛЬ
МЭРИ ИЗ КОРКА

перевод
Р. КАЗМИНС

Библиотека „Огонек“
№ 48
Издательство „Огонек“
Москва и Ленинград

ЦЕНА 15 КОП.

11750

ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ „ОГОНЕК“

Еженедельно ОДНА книжка:

1 мес.—50 к., 3 мес.—1 р. 50 к., 6 мес.—3 р., 1 год—5 р.

Еженедельно ДВЕ книжки:

1 мес.—1 р., 3 мес.—3 р., 6 мес.—5 р., 1 год—10 р.

АДРЕС:

Москва, Тверской бульвар, д. 26, телеф. 3 91-48.

Издательство „ОГОНЕК“

9 - АВГ 1948